

КТО МЫ?

Кто мы? Что мы, писатели, вносим своей деятельностью в мир, находящийся на страшной грани, хаотическим злом увлекаемый к гибели, но несмотря на это, надеющийся на спасение? Как вписывается наше творчество в контекст современной и традицию отечественной литературы? Наконец, что объективно представляем собою мы, поколение литераторов, находящееся сейчас в периоде человеческой и творческой зрелости? И что мы можем передать следующему за нами поколению? Я не ~~б~~бурюсь исчерпывающе полно ответить на эти важные вопросы, хотя они не оставляют меня в последнее время.

Мне кажется, что сейчас время вошло в тяжелую полосу, когда скопление зла так велико, что людям может грозить гибель. Дело не в новом оружии, оно лишь вещественное следствие того отчаяния, холода, духовного умирания, которое охватывает многих. Люди при жизни словно разделились на живых и мертвых; тех, кого увлекает танатический комплекс, и тех, кто не утратил веры, надежды, любви. В такие времена добрая воля любого человека неожиданно может решить, какая чаша весов перетянет; и надо ли говорить, что мы, художники, несем ответственность особую. У нас сила таланта, и наше действие отзывается в других, наше слово не есть только личное слово. Каждый тут делает выбор для себя, — согласно внутреннему побуждению и сущности.

Мне хочется понять, что же собой представляют те, кто стоит сейчас перед выбором, мое поколение литераторов.

Сейчас нам за тридцать. Почти два десятилетия мы рядом, у нас сходные пути, прошлое, проблемы. Я лучше знаю тех, с кем познакомилась еще во Дворце Пионеров, училась в Унверситете, была в "лито" при Союзе писателей; помимо нашей группы, были, конечно, и другие. Со временем границы кружков ~~разделились~~ разомкнулись, сейчас нас вкуче называют "неофициальными литераторами".

Что же нас объединяет? На мой взгляд — общая позиция по отношению к культуре и господствующему литературному обиходу.

В юности нас не увлекла перспектива обратить талант в расхожий товар, заняться журналистикой в поэзии; проще говоря, мы не приняли норм и требований издательств и прочих организаций, и они равнодушно отвернулись от нас. Но как случилось, что мы выбрали тогда неконформистский путь?

Во многом выбор этого пути был определен временем нашего становления: мы примкнули к существующей традиции, выбрали гражданскую и литературную позицию ряда замечательных писателей советской поры. Мы начинали в шестидесятые годы, когда истинность и плодотворность этой традиции была ослепительно-очевидна. Еще жила тогда Анна Андреевна Ахматова, и ее величавое присутствие много значило в культурной атмосфере города. К ней были близки поэты поколения, предшествующего нашему, их творчество влияло и на нас. Не пугал путь, не сулящий карьерных удач, когда сама Ахматова написала:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотого клейма неудачи
На еще безмятежном челе.

Всякого, что хотел стать истинным поэтом, это "золотое клеймо" привлекало больше любого золота. А другие "трагические неудачники", которых мы в шестидесятых узнавали и читали в захлеб:

М.Цветаева, М.Булгаков, О.Мандельштам, А.Платонов, Б.Пастернак, Н.Заболоцкий, "обериуты"... Голова кружилась! Я и сейчас не могу понять тех, не по годам трезвых, из нас, кто посмешил тогда применить свое "свежее дарование" к торгу "большой литературы". Для поэтов нашего поколения, нашего круга такой выбор порой казался гораздо самостоятельнее нашего.

Как ни странно, решение избрать судьбу "свободного поэта" тогда не требовало особой отваги; достаточно было "сметь свое суждение иметь" и верить в свой талант. А кто в двадцать лет в него не верит! Чудо было неизбежно, наше вольное творчество узнают и оценят признательные современники. Может быть, не сразу, возможно даже, после нашей смерти — по молодости и это кажется легко. "Рукописи не горят"... Да, по несчастью, и слава прекрасных писателей, о которых я говорю, была большей частью посмертной славой.

Я пишу об этом, чтобы подчеркнуть, что наш выбор был настолько естественен, настолько в духе времени, что не требовал зрелого,

осознанного мужества. Трудности этого пути если и представлялись, то в романтическом ореоле. Да иное было бы и недепо... Нет, все было весело, хорошо, великолепно. Ощущение разрыва между конформистскими судьбами и нашими возникло совсем не сразу. Вот при Союзе писателей организуется лито, и ряд поэтов занимается у Глеба Сергеевича Семенова. Странное то было время и предприятие. Никакой "второй литературной действительности" и в помине не было, мы чувствовали себя какой-то своеобразной элитой в особняке, где обосновались члены Союза писателей. И в литературе, и в поведении они были в значительной части откровенными самозванцами. Мы существовали рядом с ними. Правда, нас не печатали, но ведь порой то, что издавали они, было таково, что вызывало лишь недоумение. Двусмысленная ситуация разрешилась сама собой: лито прикрыли. И ко благу: московская плеяда предыдущего поколения с боем ворвалась в свой "грибоедов" — надорвалась и канула. Тяжело глядеть на их опустелые лица. Мы этого избегли. Невеселый опыт одного-двух наших товарищей, включившихся в литературную индустрию, убеждает в правильности иного пути.

Итак, изначально этот выбор был во многом подсказан самим временем. Мы не вполне представляли тогда, что выбираем путь трудный, очень трудный. Что долгие годы нам придется на своей шкуре испытывать, что значит — быть писателем, в общем лишенным читателя. Становилось ясно, как важно увидеть свое произведение на типографском листе, в книге: оно выглядит иначе; замешнее и огрехи, и удаchi. В условиях изоляции трудно представить свое творчество в общем культурном контексте, найти адекватную самооценку. Знаменитые предшественники: Ахматова, Булгаков, скажем, или Пастернак (оставим в стороне соразмерности талантов) были в годы замалчивания в ином положении, чем мы — они были писателями с большим литературным опытом, выработанными эстетическими критериями, книгами. Они продолжали работать, не порывая с мощной культурной традицией, которая воспитала их и которую они продолжали.

Мы в совершенно другом положении. Мы с юности существуем без органической культурной преемственности (той, что от поколения к поколению), без объективных читательских и критических отзывов, без возможности острого восприятия своих и чужих произведений в книге, в литературном контексте. Популярное сравнение нашего

поколения с положением писателя в "догуттенбергову эпоху" неточно, ибо тогда вся литература была такова и имела другие действенные средства для распространения в жизни. А мы сосуществуем параллельно с огромной массой "печатной" литературы, которая, пусть негативно, но не может не влиять на нас. Такое хроническое состояние дестабилизирует, искажает объективность видения, провоцирует на позицию "человека из подполья". Даже когда в потоке "параллельной литературы" встречаются живые современные явления (мне, скажем, интересны В.Быков, Ю.Трифонов, В.Астафьев, последний роман Айтматова и т.д.), то мы в силу предубеждения отталкиваемся и от них. Мировидение человека "по одну из сторон баррикады" объяснимо, но трагично. Подлинная культура не существует, намертво расчлененная баррикадой, и все не так просто: отнюдь не всегда истинно то, что есть в "неофициальной" литературе, ложно то, что напечатано. Эта механическая схема не срабатывает, все сложнее. И коли вы выбрали путь, по которому "влечет свободный ум", он, этот путь, требует выработки объективного взгляда на мир человека-писателя, а не простого членения на черное и белое, "печатное и непечатное".

Мы — дети "шестидесятых". Какую печать наложило на нас то время? Мы получили импульс общественной энергии, критического отношения к жизни, отвращение к казенной лжи... Время стремилось выломиться из лжи и мы вместе с ним становились "самоломанными", своего рода нигилистами. А что же стало позитивной идеей? Какую духовную, культурную основу мы переняли?

Шестидесятые годы несли в себе ностальгическую тоску о культуре "серебряного века", о двадцатых годах. Вспомним, как мы узнавали о том времени. Десятки имен, прежде не известных, блестящая литература, философия, искусство, которые не сравнить с последующим — и все это словно оборвано разом и отстоит от нас так же далеко, как всякое незапамятное прошлое, легендарные ~~иные~~ времена. Мы принимали знания о том времени в виде мартиролога, рассказа о жесткой вырубке духовности. Какие обстоятельства и судьбы становились известны! И начало века, разнообразное и блестящее, представало как чистый праздник духа, растоптанный посторонней жестокой силой. Живая связь с той культурой была прервана, хотя Маяковский, Есенин, Мандельштам, Цветаева и многие другие могли бы быть нашими современниками, как были ими Ахматова и Пастернак...

Те, кто передавал нам рассказ о "серебряном веке", не были, да и не могли быть объективны. Порой сознательно, как, вероятно, Эренбург в книге "Люди, годы, жизнь", где множество недомолвок, передержек. А чаще по иной причине: как люди, бывшие свидетелями культурного расцвета той поры и пронесшие верность ему через катастрофы, испытания, долгие десятилетия. Интонация умиленного восхищения ("да, были люди в наше время...") свойственна большинству мемуаристов, писавших, скажем, о Волошине, да и понятен взгляд человека, обращенный в свое лучшее былое, в наиболее яркие времена своей судьбы. Мы росли и воспитывались под их влиянием, взглядом обращенные назад, в одну точку прошлого, без настоящего интереса к другим эпохам и явлениям русской культуры. Да и "серебряный век" мы приняли и исповедуем его веру, без исторической перспективы, не анализируя. Более глубокие и объективные свидетельства и размышления о нем мы встретили гораздо позже; но в основе нашего мировоззрения так и осталась несколько наивная "легенда шестидесятых годов о серебряном веке", которая замещала все прочее и чуть ли не противопоставлялась остальной культуре. В связи с этим мне хочется сделать несколько замечаний.

Я думаю, что подъем русской литературы приходится на 19 столетие, связан с именами Пушкина, Гоголя, Тютчева, Достоевского, Л.Толстого, Чехова... Тогда была открыта новая духовная глубина, созданы ценности не только эстетические, но и этические, имеющие значение не для одной России. Эту литературу Томас Манн назвал "святой русской литературой". Она сделалась культурным явлением в широком смысле слова, дала импульс общему развитию национально-го сознания и духа: литература "учительная", пророчество и проповедь, со стремлением реально изменить человека, очистить его сердце. "Серебряный век" — это претворение ее в "собственно культуру", локализация, преломление, зачастую — отрицание (так, на место Достоевского является Розанов, в сочинениях и личности своей подчас напоминавший персонажей Достоевского, и т.д.) Стремление Льва Толстого осуществлять через литературу пастырскую миссию вызывает в "собственно культуре" протест. Ворчание Маяковского:

А с неба смотрела ~~какая-то~~ дрянь
величественно, как Лев Толстой. —

Грубо, но точно фиксирует раздражение "собственно литературы" против претензий предшественников (к которым можно отнести не только Достоевского и Л.Толстого, но и Чернышевского, Некрасова, народни-

ческую литературу) на духовное учительство. Отказ от него, обращение к европейскому декадентству, символизму, футуризму – все это были потребности уже "собственно культуры". Это процесс развития естественный, но несущий и известные потери. Культура того времени обрела новые эстетические грани, но на какое-то время отставила на второй план этические – предшественников. "Это была пора характерного "конца века", претенциозность и передовитость которого выражалась в культе всего порочного с примесью всякой мистики" – вспоминал А. Бенуа.

Было в ряде ее явлений то, что Достоевский определил как "бесовство"; даже у А. Блока, одного из самых чутких и искренних поэтов той поры. Игра в демонизм увлекала, иных всерьез. Это было "болезнью роста", и многие из художников позднее утвердили свою духовную связь с культурой, предшествующей "серебряному веку". Это Ахматова и Блок, Булгаков и Зощенко, Пастернак, Мандельштам (поразительные его строки: "Для того ли разночинцы рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?")

Много спустя А. А. Ахматова даст блестящую и жесткую характеристику Петербурга "серебряного века" в "Поэме без героя". В ней и талант, и трагический романтизм героев времени – и их эстетизированный демонизм... Я отнюдь не собираюсь развенчивать замечательный период нашей культуры, но хочу отметить оттенки, как правило, не замечаемые нами. Была правда в словах тех, кто упрекал культуру того периода в неразличении добра и зла, безответственной эстетизации духовного "самодовольства".

Примечательна в этом смысле статья А. Блока "Русские дэнди", написанная в 1918 году. Он приводит слова молодого поэта: "Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а вы нам давали камень..." (Интересно посмотреть и первоначальный вариант его стихотворения "Поэты").

Культура "серебряного века", на мой взгляд, не так однородна и светла, как представлялась в наши юношеские – шестидесятые – годы. Мы же принимали ее тогда как аксиому, как единое целое. И сейчас работаем, во многом повторяя "зады" начала века: с эстетизацией самовольства, порой – порока, зла. Мы пытаемся обжить руины этой культуры, словно варвары, громоздящие из обломков былых храмов их слабые подобия. И разве мы иногда не предлагаем читателю вместо духовного хлеба – камень, и камень – из чужих руин?

Я говорила, что шестидесятые годы привили заряд нигилизма. Но обычно, отрицая все установки, человек по неминуемой потребности создает себе новую, иногда не менее узкую, чем отрицаемые. Так, комизм нашей "писаревщины" в том, что на этот раз отвергается не эстетика ради "полезности", как сто лет назад, а наоборот. Наши "Бюхнер и Молешотт" — эстетика. Конечно, и тут есть нигилистическая избирательность. Скажем, великолепный англоязычный роман XX века (назвать хотя бы Фолкнера, Стейнбека, Уайлдера, Уоррена...) мало повлиял на нашу прозу, а литература абсурда, "потока сознания" оказала влияние и немалое. В стремлении максимально "закультурироваться" мы усердно повторяем формальные поиски европейских литератур, отчасти устарелые или периферийные. А что же в русской литературе, за исключением "серебряного века"? Мы почитаем Достоевского (возвращенного нам европейским почитанием), Пушкина. Но неужели для нас неплодотворны и мертвы традиции Герцена, Л.Толстого, Вяземского, Державина, Чехова, Гончарова?..

Мне кажется, что многие просто не очень хорошо знакомы с русской литературой и особенно историей. Историю мы тоже усвоили в манере "шестидесятых": "дней минувших анекдоты", какое-то по-пурри из публицистики, сочинений Тынянова, Мережковского и А.Н. Толстого. Это интересная литература, но судить по ней об истории опрометчиво. Писатель с подобными легковесными представлениями, обращаясь к историческим темам, сильно рискует быть неточным. Мы зачастую принимаем историю из вторых рук, хотя никто не мешает обратиться к источникам. Я ратую за больший "академизм", это пошло бы на пользу и литературе, и самим литераторам. Мне кажется, что нарочитое "закультурирование" подчас вытекает из неуверенности или неясности представлений об истории и культуре. А пока — кто больше нас знает курьезов, бывших и вымышленных, из литературы и истории?

Много лет мы работаем в нелегких условиях. К сожалению, сам по себе выбор пути не гарантирует от человеческого и творческого распада. Мне хочется сказать сейчас не о наших успехах, но о потерях. Кажется, общая энтропия захватывает и нас. Профессиональные болезни литераторов известны: спесь, зависть, взаимное недоброжелательство, мания величия и т.п. Тут мало кто совсем без греха. Иногда приходится наблюдать сцены, от которых больно. Интриги, сплетни, скандалы — это свойства литературной черни, зачем же нам жить так?

Я вспоминаю рассказ о том, как Ф.И.Тютчев, избегавший литературных компаний, был зазван как-то на пирушку. Он долго терпел веселье собратьев по перу, но когда один писатель встал на четвереньки, а другой собрался скакать на нем, не выдержал и убежал... А ведь порой наше общение бывает подобного свойства. Уже давно в нашем кругу замаячила фигура этакого "бурного гения" с вседозволенностью, эдакого Орфея без руля и без ветрил. Они были и в юности и в каждом из нас, но как-то это легче было тогда, артистичней, что ли. А сейчас это зрелище тягостно и наводит на мысль о душевном распаде. Человек средних лет, привлекая насмешливое или тревожное внимание, солирует, перемежая брань и невнятные откровения, и зачастую дерется. Число их все множится. Порой придешь в литературные гости, а там несколько "бурных гениев" сразу. Тогда беги куда глаза глядят.

И ведь это кажется нормой: всегда найдется широкий мыслитель, который, увернувшись от рукоприкладствующего гения, объяснит, что поэт, утонченная натура и т.п... Плохо то, что и объяснять некому, все же понимают, привыкли... Но в наши годы (большинству изрядно за тридцать) ни Пушкин, ни Гете, ни прочие гении и таланты подобных коленец, кажется, не выкидывали. Зато литературное отребье — всегда и в лучшем виде.

В наших взаимоотношениях этические критерии зачастую отсутствуют. Человек может пустить сплетню или стать ее жертвой, но вот обидчик и обиженный снова вместе, а вот они уже поменялись ролями. Это какая-то драма абсурда, размывание нравственной структуры... По поводу подлости одного из "литераторов" другой сказал: "Да, некрасивая история". Мне кажется, что подмена этической оценки эстетической — характерна; у многих из нас есть инфантильная боязнь этики, морали. Предполагается, что утонченно-эстетические шеи не выдержат этого хомута. Еще последовательней это заметно в литературных оценках. Вот один из примеров.

В разговорах о "неофициальной культуре" часто упоминается группа "религиозных писателей". Объединяют их по нехитрому принципу: в их сочинениях больше, чем у прочих, используются христианские темы и лексика. Но так и Демьяна Бедного можно включить в этот ряд. По сути же, между ними мало общего: у одного христианство — основополагающая мировоззрения; у другого — предмет для эстетической рефлексии (и в принципе — Христос, Астарта — неважно); у третьего — повод для своевольного беснования... Но всех сгребает в общую кучу — ведь "про божественное" пишут! Это, на мой взгляд, следствие нечеткости идей, одностороннего развития. Святая уверенность, что если "левые", то глав-

ное, чтоб модернисты, чтоб все наоборот, не как у школьных Шолохова с Маяковским. И такое иногда услышишь, что куда Маяковскому-раннему (который закономерен стал Маяковским-подним). А этическое младенчество приводит к тому, что подлинного творчества между ними нет, зато зачастую мы Бог знает кого считаем товарищами, пока жизнь не поставит нас перед очередным прискорбным разочарованием. Но главная беда и опасность — отсутствие творческой ответственности, духовной зрелости. И разве не современно звучат слова Н.Бердяева, написанные им в 1910 году: "Страшно становится за ныне подрастающее поколение. Оно приучается к легкому отношению ко всем идеям и ко всем ценностям, в нем нет традиции, нет ничего крепкого и устойчивого. Сами религиозные идеи, призванные прекратить эту анархию духа, создать новую традицию и связать ее со старой, воспринимаются как одно из проявлений этой анархии, этой беспринципности эпохи." ("Духовный кризис интеллигенции").

Нельзя допускать разрушения этической среды, нравственной основы в человеке-писателе. И может быть, стоит не столько реконструировать литературу "начала века", скрепляя ее с чужеродными культурами, сколько пытаться восстановить стремление к нравственности, гуманизм, честность — атмосферу, существовавшую у лучшей части русской интеллигенции. Мы могли бы это сделать, мы давно уже не бесшабашная юная богема, у нас есть долг перед собой и временем. А иначе мы многого не осилим и в творчестве; да ведь за нами идет и другое поколение, для которого наши судьбы — в известной мере образец. Что они встретят в нас: парад тщеславий и самовольств, коллекцию культивируемых недугов, обрюзгших "бурных гениев"? Что мы им передадим? Если это, то, несмотря на "неконформность" нашего пути, мы остались лишь материалом, бесформенной глиной, которую можно лепить в любые комки... И наблюдать тараканьи состязания в "стакане, полном мухоедства"... Мне больно и тяжело думать об этом. Я верю, что Бог дал каждому из нас талант с умыслом не о разрушительном своеволии, а о вкладе в общечеловеческое спасение добром.

Ленинград 1983